

Джонатан Трөппер
Дальше живите сами

Jonathan Tropper
This Is Where
I Leave You

Джонатан Троппер

Дальше живите сами

Перевод с английского
Ольги Варшавер

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7С0Е)-44
Т70

This edition is published by arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Троппер Дж.

Т70 Дальше живите сами: роман / ДЖОНАТАН ТРОППЕР; пер. с англ. О. ВАРШАВЕР — М.: Астрель: CORPUS, 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-271-29665-9 (ООО “Издательство Астрель”)

Известие о смерти отца застаёт Джада в тяжелый момент: он потерял работу и переживает измену жены. Теперь ему предстоит провести траурную неделю вместе с ближайшими родственниками, а общение с ними — всегда испытание. То, что Фоксманы собрались по печальному поводу, не мешает им упражняться в остроумии, попадать в нелепые ситуации и выяснять отношения. За семь дней представления героя о жизни и себе самом кардинально изменятся, а близкие преподнесут ему и друг другу немало сюрпризов.

Джонатан Троппер родился в 1970 году в США. Живет с семьей в Вестчестере, в штате Нью-Йорк, и преподает писательское мастерство в Манхэттенвилл-колледже. “Дальше живите сами” — его пятый роман. Он ляжет в основу фильма, который кинокомпания *Warner Brothers* планирует выпустить в 2011 году.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7С0Е)-44

ISBN 978-5-271-29665-9 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Jonathan Tropper 2009
 - © О.Варшавер, перевод на русский язык, 2010
 - © А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
 - © ООО “Издательство Астрель”, 2010
- Издательство CORPUS ®

Маме и тате

Глава 1

— Папа умер, — сообщает Венди походя. Словно такое случилось много раз, чуть ли не каждый день. Венди спокойна, как удав. Это жутко раздражает, особенно в трагические минуты. — Скончался два часа назад.

— Мама держится?

— Ты что, маму не знаешь? Советовалась со мной, сколько дать на чай полицейскому, который пришел составлять протокол.

Я невольно улыбаюсь, хотя меня, конечно, бесит неспособность Фоксманов выражать эмоции в переломные моменты жизни — патент можем брать на это дело, ей-богу. Любое событие, требующее мало-мальской искренности, в нашей семейке мгновенно принижается или передергивается. Мы подкалываем и даже оскорбляем друг друга на днях рождения и свадьбах, в радости и в болезни. Теперь вот умер отец, а Венди язвит. Что ж, отцу поделом, по-

скольку от него-то мы и унаследовали пристрастие к иронии, двусмысленности и подавлению любых чувств.

— Но это не самое худшее, — произносит Венди.

— Не худшее? Господи, Венди! Что ты несешь?

— Ну ладно, оговорилась.

— Ничего себе оговорочка.

— Он просит, чтобы мы отсидели шиву.

— Кто просит?

— А о ком мы говорим? О папе! Так папа просит, чтобы мы отсидели шиву.

— Папа умер.

Венди вздыхает, давая понять, как мучительно для нее пробиваться через непроходимую чащу моей тупости.

— Насчет шивы он прав, — продолжает она, — сейчас самый подходящий момент.

— Но папа атеист.

— Был атеист.

— Ты хочешь сказать, что он уверовал накануне смерти?

— Нет, я хочу сказать, что он умер, и говорить о нем надо в прошедшем времени.

Если этот разговор кажется беседой двух бессердечных сволочей, так это потому, что нас такими воспитали. На самом деле мы давно горюем, то сильнее, то тише, каждый по-своему; этот траур длится уже года полтора — с тех пор как отцу поставили диагноз. До этого его мучили боли в животе, но все просьбы

матери сходить к врачу он пропускал мимо ушей, только все увеличивал дозы антацидов, которые и без того сосал всю жизнь, как леденцы, по любому поводу. Где бы он ни был, ковры и полы всегда оказывались усеяны блестящими обертками и напоминали мокрый от дождя асфальт. А потом в стуле у него появилась кровь.

— Твой отец недомогает, — обиняками, как всегда, сказала мама по телефону, а где-то вдалеке послышался ворчливый голос отца:

— Кровью сру.

За пятнадцать лет, что я не живу дома, он ни разу не взял трубку. Говорила всегда мама, а папа время от времени вставлял комментарии. Так было не только по телефону. Под прожекторами, на сцене, всегда мать. Женившись на ней, отец навсегда обрек себя на роли второго плана.

Опухоли на томограмме кустились по всему периметру его черной, как угольная пустыня, двенадцатиперстной кишки, подтверждая легендарный отцовский стоицизм: оказалось, содовыми таблетками он лечил метастазирующий по всей брюшной полости рак. Целый год. Потом, само собой, начались операции, облучение, а напоследок — уже от отчаяния — сеансы химиотерапии, призванные скукожить опухоли. Но они вместо этого скукожили самого папу: его некогда широкие плечи торчали, точно костистые шишечки, обтянутые дряблой кожей. Следом сморщились мышцы, перетерлись сухожилия, все тело превратилось в сгусток нестер-

пимой боли, и эта боль потихоньку унесла его в кому, из которой — мы это знали — ему уже не суждено будет вернуться. Да и зачем возвращаться, если ты болен раком? Чтобы, корчась от боли и от вращения, стать свидетелем собственного конца? Ему понадобилось четыре месяца, чтобы умереть, — на три больше, чем предсказывали онкологи. “Ваш папа — борец”, — говорили врачи, когда мы приходили его навестить, но они сильно лукавили, потому что отец был уже в полном нокауте. Оставайся он в сознании, наверняка бы сердился, что ему никак не удастся сдохнуть, хотя дело вроде бы незатейливое. В Бога он не верил, а жизнь прожил под девизом “Сри или слезь с толчка”.

Короче, смерть отца — уже не событие, а лишь финал, точка в череде печальных событий.

— Похороны завтра утром, — говорит Венди. — Я лечу сегодня, буду к вечеру, с детьми. У Барри сейчас важная встреча в Сан-Франциско, он прилетит последним рейсом.

Барри, муж Венди, — управляющий активами в инвестиционном фонде. Похоже, ему платят за то, что он мотается по миру на частных самолетах и проигрывает в гольф всяким богатеям, которым могут понадобиться деньги. Несколько лет назад его перевели в офис на западное побережье, и семья переехала в Лос-Анджелес, что само по себе бессмысленно, потому что Барри все равно постоянно в разъездах, а Венди, несомненно, предпочла бы жить на востоке страны. Здесь ее распухшие от беременностей щиколотки

и постоянный послеродовой синдром не так явственны, поскольку вокруг нет кинозвезд. Впрочем, за неудобства она получает очень и очень неплохую компенсацию.

— Так ты летишь с детьми?

— Я бы с радостью не тащила всю ораву, поверь. Но оставить их с нянькой на целых семь дней — все-таки слишком.

Орава — это шестилетний Райан и двухлетний Коул, белобрысые розовощекие херувимы, которым удастся разнести любое помещение за две минуты, и семимесячная девочка Серена.

— На семь дней? Почему на семь?

— Шиву сидят семь дней.

— Мы что, правда будем сидеть шиву?

— Это его предсмертное желание, — отвечает Венди, и я, кажется, наконец улавливаю в ее голосе скорбную ноту.

— А Пол согласен?

— Пол мне об этом и сообщил.

— И как он это сообщил?

— Сказал, что папа хочет, чтобы мы отсидели шиву.

Пол — мой старший брат. Он старше меня на год и четыре месяца. Мама всегда уверяла, что родила меня не по ошибке, а намеренно забеременела через семь месяцев после рождения Пола. Но я этим рассказам никогда не верил, особенно после того как отец, надравшись однажды в пятницу вечером персиковым шнапсом, проговорился, что в прежние времена считалось, будто женщина не мо-

жет залететь, пока кормит грудью. Что до нас с Полом, мы вполне ладим, если держимся друг от друга подальше.

— А Филиппу кто-нибудь позвонил? — спрашиваю я.

— Я оставила сообщения по всем последним номерам, которые у меня имеются. Впрочем, не факт, что он их вообще прослушивает. А также — что не сидит в тюрьме, не обкурился и не валяется в сточной канаве. Короче, может, он и приедет. Слабый шанс есть.

Филипп — наш младший брат, на девять лет моложе меня. Логика, с которой родители производили нас на свет, воистину непостижима. Сначала Венди, Пол и я — тут предки уложились за четыре года, а потом, спустя почти десять лет, — Филипп, вроде неуклюжего заключительного аккорда. Этаким Пол Маккартни семейства Фоксманов: красавчик не в пример остальным, на фотографиях вечно смотрит не в ту сторону, а частые слухи о его смерти всегда оказываются несколько преувеличенными. В детстве его то баловали, то вообще не замечали, и вполне возможно, что это сказалось на его характере роковым образом. Филипп вырос безнадежно испорченным человеком. Сейчас он живет на Манхэттене, и там днем с огнем не сыщешь травку, которую он еще не попробовал, или модель, которую он не успел поиметь. Иногда братик исчезает с радаров на много месяцев, а потом вдруг,

без предупреждения, заявляется к тебе в дом на ужин и за столом сообщает — или даже забывает сообщить, — что был в тюрьме или на Тибете или окончательно порвал с какой-то якобы известной актрисой. Я не видел Филиппа уже больше года.

— Надеюсь, он приедет, — говорю я. — Он сам ужасно расстроится, если не успеет.

— Кстати, раз уж зашла речь о младших братьях-неудачниках... Как развивается твоя греческая трагедия?

Венди намеренно бестактна, и это бывает порой забавно, даже очаровательно, но она с легкостью, сама того не замечая, преступает грань между грубоватой шуткой и жестокостью. Обычно я отбиваюсь довольно умело, но последние несколько месяцев изматывали меня вконец, и на достойную оборону сил уже нет.

— Мне пора, — говорю я, отчаянно пытаюсь скрыть, что моя жизнь разбита вдребезги.

— Господи, Дзад, ты обиделся? Но мне же не все равно!

— Спасибо за участие.

— Ага, и тебе слова не скажи, все в штыки! Мне этого с Барри хватает.

— Короче — скоро увидимся.

— Ладно, не хочешь — не надо, — цедит она с отращением. — До свиданья.

Я жду, но коротких гудков все нет.

— Ты еще тут? — наконец спрашивает она.

ДЖОНАТАН ТРОППЕР ДАЛЬШЕ ЖИВИТЕ САМИ

— Нет. — Я вешаю трубку и представляю, как она шмякает телефон об стол и матерится, матерится без остановки.

Среда

Глава 2

Джен подруливает на своем бежевом внедорожнике, как раз когда я готовлюсь к двухчасовому путешествию в Элмсбрук. Она выскакивает из машины прежде, чем я успеваю смыться. Я не видел ее довольно давно, не отвечал на ее звонки и ни на минуту не переставал о ней думать. А вот и она сама: выглядит, как всегда, безусловно, в обтягивающем спортивном костюме, волосы — дорогого светло-медового оттенка, уголки губ неуловимо ползут вверх — сейчас Джен улыбается робко, точно маленькая девочка. Мне известны все ее улыбки, известно, что они означают и к чему ведут.

Беда в том, что каждый раз, когда я вижу Джен, я мгновенно вспоминаю, как увидел ее впервые — в университетском городке, на раздолбанном красном велосипеде: длинные ноги крутят педали, волосы вьются по ветру, лицо разрумянилось... На кой черт

это вспоминать, когда встречаешься с почти бывшей женой? Без пяти минут бывшей. Один шаг — и бывшей. Авторы прикладных книжек и веб-сайтов из серии “Помоги себе сам” пока не придумали, как назвать супругов, толкущихся в предбаннике, то бишь в чистилище перед судом, на котором официально объявят, что их жизнь покатила в тартарары... А еще при виде Джен на меня накатывает стыд. Не потому, что она таки выяснила, в какой дыре я живу, а потому, что, с тех пор как я съехал из дома, ее вид вызывает у меня только одну ассоциацию: точно я, оставившись на светофоре, засунул одну руку в штаны, а другой ковыряю нос. И смотрю порнуху. И меня застукали.

— Привет, — говорит Джен.

Я кидаю чемодан в багажник.

— Привет.

Мы прожили вместе девять лет. Теперь мы говорим друг другу “привет” и не смотрим в глаза.

— Я же просила тебя перезвонить. На автоответчике.

— Я был занят.

— Не сомневаюсь.

От ее ироничного тона у меня всегда возникают два желания одновременно: целовать ее в засос и душить, пока не посинеет. Впрочем, сейчас ни то ни другое неуместно, поэтому остается лишь оглушительно захлопнуть багажник.

— Джад, нам надо поговорить.

— Неудачный момент.

Оттеснив меня к водительской дверце, она облокачивается на машину и озаряет меня самой лучезарной из своих улыбок, той самой, из-за которой — и она об этом знает — я всегда готов был влюбляться в нее вновь и вновь. Но на этот раз она просчиталась. Теперь эта улыбка напоминает мне обо всем, что я потерял.

— Ну почему нам нельзя остаться друзьями? — произносит она.

— Ты спишь с моим боссом. Это довольно веская причина.

Она закрывает глаза, призывая на помощь все бездонное терпение, которое требуется, чтобы иметь со мной дело. Помню, как я целовал эти веки, когда мы, так и не оторвавшись друг от друга, уплывали в сон и ее ресницы трепетали под моими губами, словно крылья бабочки, а легкое дыхание щекотало мне подбородок и шею.

— Ты прав, я не святая, — говорит она, всем своим видом показывая, что я кругом не прав, а она святая, но ей скучно со мной спорить. — Мне было очень плохо, и от желания снова стать счастливой я поступила непросчитательно. Я разрушила нашу жизнь, и ты меня за это ненавидишь. Только тебе роль жертвы не к лицу.

— У меня все в порядке.

— Ага, у тебя все отлично.

Джен выразительно смотрит на обшарпанный домишко, где я снимаю теперь комнату в подвале. Сооружение неказисто, словно его нарисовал ребенок:

треугольник нахлобучен на квадрат, криво уложенные кирпичи, одинокое окошко, входная дверь. Тут вся округа в таких развалюхах. Это вам не хорошенький домик в колониальном стиле, на который я угрожал все свои сбережения и где Джен теперь проживает совершенно бесплатно да еще совокупляется на моей кровати с чужим мужиком.

Подвальчик я снимаю у супругов-китайцев средних лет по фамилии Ли, которые существуют в вечной, ничем не нарушаемой тишине. Я никогда не слышал, чтобы они разговаривали. Муж проводит в гостиную сеансы акупунктуры, жена трижды в день подметает дорожку перед домом соломенной метелкой, похожей на театральный реквизит. Я засыпаю и просыпаюсь под яростное шарканье соломин об асфальт. В остальное время хозяев не видно, и я часто задаю себе вопрос: зачем им понадобилось переезжать в Америку? В Китае наверняка полно больных с межпозвоночными грыжами, да и мусора хватает.

- Ты не пришел на встречу с нашим “миротворцем”.
- Он мне не понравился. Он на твоей стороне.
- Глупости. Ему вообще все по фигу.
- Кроме твоих сисек.
- Бога ради, Джад, это просто смешно!
- Ну, о вкусах, как известно, не спорят.

И так далее. Можно было бы привести нашу беседу целиком, но все в ней известно заранее: это диалог двух людей, чья любовь переродилась в нескончаемые перестрелки из начиненных ядом гранатометов.

— Я не готова разговаривать, когда ты такой. — Джен сердито отходит от машины.

— Я всегда такой. Уж какой есть.

Мне хочется крикнуть: *У меня умер отец!* Но я не стану, потому что Джен заплачет, а если она заплачет, то я скорее всего тоже, и тогда она найдет повод просочиться ко мне в берлогу, а я не хочу ее пускать. Ее сочувствие — троянский конь. Я еду домой — хоронить отца, воевать с родными, — и, по-хорошему, она должна бы ехать туда со мной, но она мне больше не жена. Вообще-то люди женятся, чтобы иметь союзника против своих родственников, а мне на этот фронт предстоит ехать одному.

Джен печально качает головой, и я вижу, как подрагивает ее нижняя губа, как набухает слеза в уголке глаза. Я не могу обнять ее, любить, целовать, трахать, даже — как выяснилось — не могу обойтись без злобной перепалки на первых минутах разговора. Зато я по-прежнему умею ее обидеть, и на данном этапе придется этим удовлетвориться. Насколько было бы легче, не будь она так чертовски красива, с этой литой гладкостью тела, медовостью волос, распахнутостью глаз. И не будь она так беспомощна. Потому что даже сейчас, после всего, что она натворила, что-то в ее глазах просит: “Защищай меня! Оберегай!” И мне хочется защитить ее во что бы то ни стало, хотя я прекрасно понимаю, что защищать на самом деле нужно меня самого. Насколько было бы проще и легче, не будь она Джен. Но она —

Джен, и в моем сердце, на месте прежней чистой любви, зияет яма, полная змеиной ненависти, ярости, отторжения и — темной, извращенной любви, куда более мучительной, чем все остальное вместе взятое.

— Джад.

— Мне пора. — Я открываю дверцу машины.

— Я беременна.

В меня никогда не стреляли, но подозреваю, что ощущения сходные: сначала, на долю секунды, пустота, а потом боль догоняет пулю. Джен уже была однажды беременна. Тогда она плакала, целовала меня, и мы, как идиоты, танцевали в ванной комнате. Но наш ребенок умер в утробе: пуповина завязалась узлом за три недели до родов.

— Поздравляю. Уверен, что Уэйд будет чудесным отцом.

— Я понимаю, тебе тяжело это слышать. Но я хотела, чтобы ты узнал от меня, а не от кого-то еще.

— Спасибо. Узнал.

Я сажусь за руль. Она встает перед машиной, чтобы я не мог сдвинуться с места.

— Джад! Скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста.

— Сказать? Иди на хрен, Джен! Катись! Надеюсь, ребенка Уэйда повезет больше, чем моему. Теперь мне можно ехать?

— Джад... — произносит она упавшим, дрожащим голосом. — Неужели ты меня так ненавидишь?

Я смотрю на нее в упор и отвечаю со всей искренностью, какую могу изобразить:

— Да. Ненавижу.

И в этот миг я снова ее люблю. То ли смерть отца окончательно подорвала мои нервы, то ли Джен как-то по-особому вздрогнула от моих слов, но боли, мелькнувшей в ее зеленых глазах-омутах, оказалось достаточно. Я снова ее люблю.